

Марксизм о первой фазе коммунизма или что такое революционная диктатура пролетариата?

Сегодняшняя лекция посвящена обозначенной остродискуссионной теме, в рамках которой споры подчас переходят в прямую конфронтацию внутри коммунистического и рабочего движения.

Итак, разработав сообща в 1846 г. в “Немецкой идеологии” Марксов материалистический подход к пониманию истории в противоположность идеологическим взглядам гегелевской философии, и уяснив себе условия действительного освобождения людей, классики в преддверии революции 1847-1848 гг. в Европе полагали, что она “создаст демократический строй и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата”.

Как ранее уже отмечалось, в 1847 г. для “Манифеста коммунистической партии” Энгельс написал “Принципы коммунизма”. И вот в этом документе Энгельс впервые составил примерный перечень мероприятий, которые должен осуществить пролетариат на переходе к полному коммунизму после взятия власти демократическим путем. Этот перечень состоял из 12 пунктов. Он включал в себя экономические шаги демократического, эволюционного перерастания буржуазных отношений в коммунистические.

Перечень этих мероприятий в переработанном, более радикальном и обобщенном виде затем был воспроизведен в “Манифесте коммунистической партии”. Ему был предпослан следующий текст: **“Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии”**.

В “Государстве и революции” В.И. Ленин господство пролетариата считал действительной демократией, так как это власть большинства населения.

Однако необходимо иметь в виду, что согласно марксистской теории пролетарская демократия, как публичная власть пролетариата, не является целью коммунистического развития. В ходе этого развития с упразднением классов, в том числе и пролетариата как класса, демократия должна перерасти в самоуправление, т.е. в управление без всякой публичной власти, опирающейся на насилие.

Далее в “Манифесте” говорится: **“Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.**

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т.е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

- 1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.**
- 2. Высокий прогрессивный налог.**
- 3. Отмена права наследования.**
- 4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.**
- 5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.**
- 6. Централизация всего транспорта в руках государства.**
- 7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.**
- 8. Одинаковая обязанность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.**

9. **Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней.**

10. **Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д."**

Анализ перечисленных мероприятий позволяет сделать вывод, что они носят государственно-капиталистический характер.

Подчеркнем, что приведенный перечень мероприятий классики предлагали для наиболее передовых стран капитала в случае прихода в них к власти пролетариата демократическим путем для дальнейшего коммунистического эволюционирования.

Интересно, что на этот перечень ориентировался Сталин при строительстве социализма в отсталой стране, вычеркивая из него реализованные мероприятия.

В этой связи необходимо отметить, что основоположники коммунистической теории в поздних предисловиях к "Манифесту" постоянно повторяли, что перечисленным мероприятиям **"отнюдь не придается самодовлеющего значения"**. В частности в Предисловии к английскому изданию 1888 г. Энгельс писал: **"В настоящее время это место во многих отношениях звучало бы иначе. Ввиду огромного развития крупной промышленности с 1848 г. и сопутствующего ему улучшения и роста организации рабочего класса; ввиду практического опыта сначала февральской революции, а потом, в еще большей мере, Парижской коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение двух месяцев находилась в руках пролетариата, эта программа теперь местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что "рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей"**.

Исторические события Парижской Коммуны 1871 г. показали, что демократический, мирный путь прихода пролетариата к власти и коммунистических преобразований невозможен.

После подавления Парижской коммуны стало ясно, что переход к новым общественным отношениям неизбежно потребует революционно насильственного установления господства пролетариата, т. е. его диктатуры.

Ранее уже отмечалось, что впервые термин "диктатура пролетариата" Маркс употребил в работе "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.". В этом труде Маркс подчеркивал, что диктатура пролетариата является необходимой переходной ступенью **"к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия"**...

5 марта 1852 г. в письме Вейдемейеру К. Маркс сообщал: **"Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты - экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства (historische Entwicklungsphasen der Produktion), 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов"**... (См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 417).

Напомню также, что в 1875 г. в "Критике Готской программы", Маркс писал: **"Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата"**. (См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С.27).

В этом произведении Маркс называет переходный к коммунизму период политическим потому, что в этот период государство, как машина для поддержания господства одного класса над другим, по его мнению, еще не должна уничтожаться. Сразу уничтожить государственность предлагали анархо-бакунисты. Но они в результате этой своей позиции потерпели, по мнению Энгельса, позорное поражение во время революционных событий в Испании 1873 г. (см. Энгельс Ф. Бакунисты за работой Записки о восстании в Испании летом 1873 года. Написано в сентябре - октябре 1873 г. Напечатано в газете "Der Volksstaat" М105, 106 и 107, 31 октября, 2 и 5 ноября 1873 г. Издано отдельной брошюрой в Лейпциге в 1874 г. Перепечатано в книге: Engels F. Internationales aus dem "Volksstaat" (1871-75). Berlin, 1894).

Вместе с тем ранее мы уже говорили о том, что основоположники на основе опыта Парижской коммуны пришли к выводу о невозможности при приходе пролетариата к власти использовать и старую буржуазную государственную машину, на этом настаивали социал-демократы. Печальная судьба Парижской коммуны показала, что оставшаяся буржуазная государственная машина может быть использована против интересов пролетариата. Поэтому в ходе революции пролетариат должен ее сломать.

Вместо нее он должен создать свою пролетарскую коммунальную государственность переходного периода. Признаки коммунальной государственности мы раскрыли ранее.

Поскольку целью любой государственной машины является осуществление политики поддержания коренных интересов господствующего класса, постольку целью пролетарской коммунальной государственности согласно марксистской теории должна быть политика поддержания господства коренных классовых интересов пролетариата. Следовательно, революционная диктатура пролетариата – это не диктатура какой-то личности, группы лиц или партии, представляющих пролетарский класс, для физического уничтожения класса эксплуататоров. Диктатура пролетариата – это политика использования пролетарским государством-коммуной власти пролетариата для проведения в переходный период к полному коммунизму революционных преобразований с целью осуществления господства его коренных классовых интересов. В чем заключается коренный классовый интерес пролетариата мы раскрыли на предыдущем занятии.

Классики не успели подробно сформулировать понятие революционной диктатуры пролетариата и раскрыть его содержание. Но оно с очевидностью вытекает из общей концепции марксистской теории коммунизма.

Согласно этой теории, свою диктатуру пролетариат осуществляет в переходный период превращения капиталистического общества в коммунистическое.

Из содержания и логики марксистского учения вытекает, что государственная политика диктатуры пролетариата заключается в том, чтобы, прежде всего, защитить интересы пролетариата от сопротивления свергнутых эксплуататорских классов и осуществить, говоря словами Маркса и Энгельса, деспотическое вмешательство в отношения буржуазной частной собственности для их постепенного уничтожения. История показала, что овладение властью пролетариатом и деспотическое вмешательство в отношения буржуазной частной собственности невозможно осуществить без применения насилия. В этой связи Ленин в “Государстве и революции” писал, что “диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс”.

В заметке “К истории вопроса о диктатуре” он разъяснял: “Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти” (см. Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 376). Итак, Ленин насильственную сторону диктатуры пролетариата справедливо связывал с сопротивлением свергаемых эксплуататорских классов и их власти. Но диктатура пролетариата не ограничивается только насилием.

В работе “Детская болезнь левизны в коммунизме” Ленин следующим образом определяет понятие диктатуры пролетариата: “Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удешевлено ее свержением...”. Далее он уточняет, что “диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества” (см. ПСС. Т. 25. С. 173, 190).

В силу ожесточенности сопротивления коммунистическим преобразованиям в отсталой России Ленин к диктатуре пролетариата отнес также отсутствие свободы слова и диктатуру одной партии. В речи на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры Ленин говорил: “Свобода печати – это содержание прессы, могущественнейшего орудия воздействия на народные массы, на счет капитала. Вот что такое свобода печати, которую большевики разрушили, и они гордятся тем, что дали впервые свободу печати от капиталистов, что они в первый раз в громадной стране создали печать, которая не зависит от горстки богатых и миллионеров, – печать, которая целиком посвящена задачам борьбы против капитала, и этой борьбе мы должны подчинить все...”

Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают, как вы слышали, единый социалистический фронт, мы говорим: “Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата” (см. ПСС. Т. 39. С. 134).

Ожесточенные формы классовой борьбы, вполне закономерно были обусловлены недоразвитостью производительных сил полуфеодалской крестьянской России, которые далеко еще не способны были удовлетворять материальные и нематериальные потребности общества и каждого индивида, когда, по сути, происходило всеобщее распространение бедности, разрухи и голода. В этой связи Ленин вынужден

был признать, что в “России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны” (см. там же. С.272).

Вместе с тем борьба ужесточалась еще и в результате отсутствия мировой революции, без поддержки которой в отдельно взятой стране, по обоснованному выводу основоположников марксизма, достичь коммунизма невозможно.

В силу всех вышеперечисленных причин большевикам во главе с Лениным не удалось создать коммунальную государственность. Советское государство с самого начала носило признаки не пролетарского, а буржуазного государства, “но без буржуазии”, во главе с партией большевиков.

После смерти Ленина понятие диктатуры пролетариата пытался развивать и Сталин.

В “Вопросах ленинизма” он писал: “Ленинизм рассматривает диктатуру пролетариата в неразрывном единстве трех ее основных сторон. Вот эти стороны:

1) Использование власти пролетариата для подавления эксплуататоров, для обороны страны, для упрочения связи с пролетариями других стран и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в социалистическое общество.

Пролетарская диктатура есть соединение всех этих трех сторон. Ни одна из этих трех сторон не может быть выдвинута как единственно характерный признак диктатуры пролетариата, и, наоборот, достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы диктатура пролетариата перестала быть диктатурой в обстановке капиталистического окружения” (см. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Госполитиздат. 1952. С. 121-122).

Обратим внимание на то, что Сталин называет социализм обществом без классов. Но в более поздних своих выступлениях обществом без классов Сталин называл уже коммунизм. Необходимо отметить, что обществом без классов, называл социализм в своих работах и Ленин. Подобным образом характеризуют социализм некоторые теоретики и сейчас. Например, известный марксовед, профессор Багатурия Г.А., ссылаясь на работы классиков, полагает, что коммунистическое развитие должно пройти три фазы. Первый, короткий промежуток после взятия власти пролетариатом, – это собственно диктатура пролетариата. На этой фазе ликвидируются классы. Затем коммунистические преобразования длительный период осуществляются в бесклассовом социалистическом обществе, вплоть до наступления полного коммунизма. Этой же позиции придерживаются и некоторые другие аналитики марксизма.

Приведенная позиция не противоречит марксизму, но, по нашему мнению, прямо и не вытекает из марксистской концепции. На наш взгляд, в “Критике Готской программы” Маркс ведет речь только о двух коммунистических фазах, первой и высшей, называя первую фазу переходным периодом. Иначе думают наши оппоненты. Они считают, что Маркс исходит из трех фаз коммунистического развития. Этот вывод они обосновывают следующими словами Маркса из “Критики Готской программы”: **“Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата”** (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С.27). Они толкуют это положение таким образом, что до первой и высшей фазы коммунизма Маркс предусмотрел еще политический переходный период. И этот период он назвал революционной диктатурой пролетариата. Следовательно, по их мнению, переход от капитализма до полного коммунизма состоит из трех фаз. Первая фаза это фаза диктатуры пролетариата. Это еще не коммунизм и не социализм, а только переход к первой фазе коммунизма, т.е. к социализму. Затем первая фаза коммунизма (социализм) перерастает в высшую фазу коммунизма, т.е. в полный коммунизм. Вопрос этот достаточно спорный, так как, кроме приведенного выше положения из “Критики Готской программы” более у классиков на этот счет ничего нет. Поэтому точка зрения наших оппонентов имеет право на существование. Мы же исходим из того, что Маркс ведет речь о 2-х фазах перехода к полному коммунизму. Первая фаза – это переходный период к высшей фазе коммунизма. Этот период и есть социализм, и государство этого периода является революционной диктатурой пролетариата. Эта диктатура осуществляется на первой фазе коммунизма.

Идея трехфазного перехода от капитализма к коммунизму принадлежит В.И. Ленину. Ее, видимо, и заимствовали у В. И. Ленина профессор Богатурия и другие аналитики,

придерживающиеся этой позиции. Но, ведь, надо понимать, что Ленин пытался применить марксистскую теорию к отсталой России, где не было достаточных предпосылок для первой фазы коммунизма. Вот он и вынужден был сконструировать еще одну фазу, названную строительством основ социализма, т.е. основ для первой фазы коммунизма. Затем эта ленинская конструкция была названа развитием марксизма. Мы же считаем это не развитием, а отрицанием принципиального положения марксизма о невозможности коммунистических преобразований в отсталой и отдельно взятой стране, что невозможно перепрыгнуть через формацию. Об этом мы говорилось в предыдущих лекциях.

К выводу, изложенному в “Критике Готской программы” Маркс пришел не сразу.

Как известно, до 1850 года Маркс, предусматривал для Германии, например, пять фаз развития революционного процесса: 1) До ближайшей революции, дающей власть демократическим мелким буржуа, 2) Демократическая республика, 3) Социальная республика, 4) Социально-коммунистическая республика, 5) чисто Коммунистическая республика.

После 1850 г. Маркс пересмотрел свою точку зрения. Переходный период до высшей фазы, т.е. до полного коммунизма, Маркс в “Критике Готской программы”, как мы полагаем, и назвал первой фазой коммунизма. Он утверждал, что **“государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата”**, Государство диктатуры пролетариата - это вынужденная необходимость, так как в первой фазе коммунизма еще остаются классовые различия и остатки частной собственности в виде трансформированного стоимостного обмена, а также отдельные элементы социального паразитирования. Иначе, зачем бы тогда нужна была диктатура пролетариата, в отношении кого ее нужно было бы осуществлять?

Вряд ли можно согласиться с нашими оппонентами в том, что за короткий период собственно диктатуры пролетариата, о котором они говорят, можно избавиться от классовых различий. Если только уничтожить эксплуататорские классы физически. Но такой путь никакого отношения к марксизму не имеет, так как он бесперспективен. Не ликвидировав, причины деления общества на классы, не возможно ликвидировать и классовые различия. Согласно же марксистскому учению в основе деления общества на классы лежит закон общественного разделения труда. Поэтому, чтобы ликвидировать классовые различия необходимо преодолеть закон общественного разделения труда, обусловленный товарным обменом. А на это нужно время.

Видимо, свой вывод о коротком периоде собственно диктатуры пролетариата, в котором ликвидируются классы, профессор Багатурия, как и многие сторонники этой позиции, основывает на положении, сформулированном Энгельсом в “Анти-Дюринге”. Энгельс пишет: **“Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство”**... Казалось бы, что это положение противоречит ранее сконструированной классиками концепции коммунистического развития. И такой вывод можно сделать, если не понимать сути этой концепции, согласно которой классовые противоположности и государство ликвидируются постепенно по мере преодоления общественного разделения труда и обмена, т.е. по мере ликвидации отношений частной собственности. Очевидно, что не усвоение диалектики этого марксистского положения и привело в 20-х годах прошлого столетия Н.И. Бухарина к ошибочному тезису о том, что для уничтожения отношений частной собственности достаточно пролетариату взять власть и передать средства производства в собственность государства. Тогда классовые различия исчезнут сами собой. Затем это вульгарное толкование марксистской теории Бухариным взял на вооружение Сталин. В чем же заключалась ошибка. А ошибка, как представляется, заключалась в том, что, во-первых, у Энгельса речь идет о пролетарском коммунальном государстве, признаки которого ранее были перечислены. Советское же государство не было ни пролетарским, ни коммунальным. Советское государство было государством не столько рабочим, сколько крестьянским, мелкобуржуазным, почти со всеми атрибутами буржуазной власти. Во-вторых, анализируемое положение Энгельса требует диалектического подхода, основанного на общей марксистской концепции коммунистического развития. Говоря о том, что пролетариат берет средства производства в государственную собственность **“прежде всего”**, Энгельс тем самым недвусмысленно дает понять, что взятие средств производства в собственность государства осуществляется как первый шаг на пути преодоления разделения труда, а, следовательно, уничтожения государственно-капиталистических отношений частной собственности и классовых различий. Но это вовсе не означает, что после этого они будут уничтожены сразу же. Согласно марксистской теории преодоление общественного разделения труда и обмена может произойти на базе государственно-капиталистической собственности пролетарско-коммунального государства на средства производства только после соответствующего развития производительных сил, слияния городского и

сельскохозяйственного производства, воспитания всесторонне развитой личности и замены действия закона разделения труда, законом перемены общественного труда. Что и является стратегической задачей переходного периода диктатуры пролетариата.

В ходе этих преобразований государство из собственника источников существования общества по мере преодоления разделения труда и обмена превращается в их владельца. Тогда диктатура пролетариата постепенно перерастает в представителя всего общества, его функции начинают отмирать. Когда пролетарское государство из собственника средств производства превратится во владельца, тогда в нем отпадает необходимость. Вот как это выражено у Энгельса. **“Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним...Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени всего общества, - является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становятся тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не “отменяется”, оно отмирает”.**

Итак, обратим внимание, что по Энгельсу после взятия власти пролетариатом коммунальное государство вначале берет источники существования общества в собственность, затем во владение. Я надеюсь, что разница между собственностью и владением аудитории понятна. На последнем этапе перед наступлением высшей фазы коммунизма источники существования переходят уже из государственного владения во владение ими всем обществом.

В этой связи Энгельс разъясняет: **“Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь – в известном смысле окончательно – выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие... Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы”.**

Заметим, что здесь Энгельс говорит о том, что во владение источники существования общества переходят уже от государства к обществу. Надо полагать, что в этой цитате Энгельс имеет в виду взятие обществом во владение средств производства от пролетарского государства в момент его полного отмирания. Значит уже на стыке с высшей фазой коммунизма. Следовательно, общественное разделение труда, опосредствованное обменом полностью устраняется только к концу первой фазы коммунизма (социализма). Лишь при полном коммунизме полу рыночная, плановая экономика заменяется полностью “планомерной сознательной организацией”. Лишь тогда, а не при социализме, прекращается борьба за отдельное существование индивида и преодолевается узкий горизонт еще действующего в переходный период буржуазного права.

Такой вывод полностью согласуется с тем, что писал Маркс в “Критике Готской программы”. В подтверждение этой мысли приведем известную цитату: **“ На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!”.**

Следовательно, подчинение человека общественному разделению труда исчезает только на высшей фазе коммунистического общества, а это значит, что только на высшей фазе исчезают классовые различия, так как в основе деления общества на классы, согласно марксистской теории, лежит закон разделения труда.

На переходе же к высшей фазе происходит преодоление разделения труда путем слияния городского и деревенского труда, равномерного распределения крупной промышленности по всей стране. Как известно, Энгельс в “Анти-Дюринге” отмечал, что крупные города постепенно должны быть устранены, что **“уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет собой утопию также и со стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране... Правда, в лице крупных городов цивилизация оставила нам такое наследие, избавиться**

от которого будет стоить много времени и усилий. Но они должны быть устранены – и будут устранены, хотя бы это был очень продолжительный процесс”. (См. Анти-Дюринг. С. С. 297- 301).

В связи с изложенным мы не можем согласиться и с позицией доктора экономических наук Клоцвога Ф.Н., считающего социализм самостоятельной общественно-экономической формацией, которая может длиться бесконечно. Эта позиция явно не диалектична. Она противоречит марксизму. Правда, похожее суждение можно найти и у В.И. Ленина в “Государстве и революции”. Но об этом в следующей лекции.

Итак, марксизм исходит из того, что ликвидация классов и эксплуатации может произойти после овладения властью пролетариатом и экспроприации пролетарским государством источников существования при условии дальнейшего плано-сознательного развития производительных сил и производительности труда. Это позволит к высшей фазе коммунистического общества:

- 1) преодолеть общественное разделение труда;
- 2) избавиться от товарного производства и обмена продуктами в любой форме;
- 3) уничтожить отношения буржуазной частной собственности;
- 4) ликвидировать классы и причины классового расслоения общества;
- 5) избавиться от государственно-властных функций и перейти к распределению по человеческим потребностям и к самоуправлению, то есть к управлению процессами, а не людьми.

С точки зрения марксизма, как мы уже отмечали, преодоление разделение труда может произойти только путем:

- 1) внедрения самых передовых ресурсосберегающих технологий в промышленное и сельскохозяйственное производство и управление, а также в управление общественными процессами;
- 2) слияния промышленного и сельскохозяйственного труда, упразднения больших городов и создание небольших современных городов для комфортного проживания производителей слитого промышленного и сельскохозяйственного производства, а также строительства небольших городов приближенных к источникам другого сырья;
- 3) формирования всесторонне развитой личности;
- 4) замены действия закона общественного разделения труда законом перемены общественного труда и ликвидации наемного труда.

Классики предполагали, что промежуточным звеном при переходе к коммунизму может быть кооперативная форма, которая зародилась внутри капиталистического способа производства. В III томе “Капитала” Маркс разъяснял, что кооперативные фабрики самих рабочих являются первой брешью в капиталистическом способе производства, **“хотя они всюду, в своей действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы. Но в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т.е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства. Без фабричной системы, возникающей из капиталистического способа производства, как и без кредитной системы, возникающей из того же самого способа производства, не могла бы развиваться кооперативная фабрика. ...Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному, только в одних противоположность устранена отрицательно, а в других - положительно”** (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.25. С. 384-483).

В “Гражданской войне во Франции” Маркс писал: **“А если кооперативное производство не должно оставаться пустым звуком или обманом, объединенные кооперативы {совокупность товариществ}, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если организуют национальное производство по общему плану, взяв тем самым руководство им в свои руки и прекратив постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве, — не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, “возможным” коммунизмом”?** (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 346-347).

Энгельс отмечал: **“Что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена**

кооперативное производство, - в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дело должно быть поставлено так, чтобы общество - следовательно, на первое время государство - сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами общества в целом" (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.36. С.361).

На основании приведенных положений некоторые марксистские аналитики делают вывод, что "Пролетариат должен не за отвлечённые — от своего повседневного производительного бытия — идеалы бороться, а дать свободу элементам нового общества, которые уже развились в лоне старого разрушающегося буржуазного общества, и элементами этими являются кооперативные товарищества рабочих! Рабочие кооперативы, объединившись, берут руководство национальным производством в свои руки, организуют его по общему плану и тем самым вытесняют капиталистическую систему".

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что по поводу подобного движения писал Маркс в "Критике Готской программы". Вначале он приводит цитату из Готской программы. Вот она: ""Чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса, германская рабочая партия требует учреждения производительных товариществ с государственной помощью под демократическим контролем трудящегося народа. Производительные товарищества как в промышленности, так и в земледелии должны быть вызваны к жизни в таком объеме, чтобы из них возникла социалистическая организация совокупного труда".

А вот, отношение Маркса к этому положению: "Следом за лассалевским "железным законом заработной платы" - целительное средство того же пророка. "Путь пролагается" ему достойным образом. На место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писак о "социальном вопросе", к "разрешению" которого "пролагается путь". Вместо процесса революционного преобразования общества "социалистическая организация совокупного труда" "возникает" из "государственной помощи", оказываемой производительным товариществам, которые "вызываются к жизни" государством, а не рабочими. Это вполне достойно фантазии Лассаля, будто с помощью государственных субсидий можно так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!"...

Далее Маркс продолжает: "Излишне вдаваться здесь в критику рецепта, который при Луи-Филиппе прописал Бюше в противовес французским социалистам и который был принят реакционными рабочими из "Atelier"[8]. И главная беда состоит не в том, что это специфическое чудодейственное средство внесли в программу, а в том, что вообще идут вспять от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения.

Когда рабочие стремятся создать условия для коллективного производства в масштабе всего общества, и прежде всего у себя в национальном масштабе, это означает лишь то, что они борются за переворот в теперешних условиях производства, и это не имеет ничего общего с учреждением кооперативных товариществ с государственной помощью. *Что же касается теперешних кооперативных товариществ, то они ценны лишь постольку, поскольку они созданы самостоятельно самими рабочими и не пользуются покровительством ни правительств, ни буржуазии".*

Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что Маркс, как представляется, вовсе не был безоговорочным сторонником производительных товариществ, т.е. кооперативов, как единственной переходной формы от капиталистического способа производства к коллективистскому. Более того, он кооперативное движение назвал сектантским. Ценность производительных рабочих кооперативов он видел "лишь постольку, поскольку они созданы самостоятельно самими рабочими и не пользуются покровительством ни правительств, ни буржуазии".

В письме Бебелю 18—28 марта 1875 г. Энгельс писал: "Если, стало быть, сказать: "германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда и тем самым классовых различий посредством осуществления кооперативного производства [vermitteltst Durchführung der genossenschaftlichen Produktion] в промышленности и земледелии и в национальном масштабе; она выступает за всякое мероприятие, которое пригодно для достижения этой цели", — то ни один лассальянец не сможет что-либо против этого возразить".

Таким образом, классики не исключали возможность уничтожения наемного труда и соединения промышленного и сельскохозяйственного производства посредством кооперативного движения. Но надо полагать не придавали этому мероприятию самодовлеющего значения.

Как известно, после взятия власти большевиками В.И. Ленин был противником анархо-синдикализма, а проще говоря, коллективно-кооперативного, сектантского эгоизма.

Однако к концу жизни он, видимо, пересмотрел свою точку зрения.

Напомню, что проблеме кооперирования, как соединения городского и деревенского труда посвятил Ленин свое предсмертное письмо “О кооперации”.

Вместе с тем свой сектантский характер или коллективный эгоизм кооперативы доказали как в условиях частного, так и советского государственного капитализма. Поэтому предложение абсолютизации кооперативного движения, как переходной формы от капитализма к коммунизму представляется сомнительным.

Необходимо отметить, что и ныне среди марксистов теоретиков распространена точка зрения, что в процессе перехода к полному коммунизму коммунальную государственно-централизованную систему должны вытеснить объединенные единым планом и общим владением источниками существования общества ассоциации производителей. Некоторые из аналитиков полагают, что это должны быть рабочие производительные кооперативы. Другие речь ведут о трудовых коллективах. Третьи, вслед за Дюрингом, отдают предпочтение коммуне, приводя в пример израильские киббуцы.

Сталин же вслед за Бухариным видел путь к коммунизму только в укреплении государственности и централизации советской системы, в укрупнении предприятий, в переводе колхозной собственности в государственную, выдавая государственную собственность на источники существования общества за общенародную собственность (см., например, “Экономические проблемы социализма в СССР”). При этом он игнорировал тот факт, что советское государство было не рабочим, коммунальным, а по существу буржуазным. Поэтому и государственная собственность была по существу буржуазной.

Находясь в плену бухаринско-сталинского вульгарного толкования марксизма, все партии сталинистского толка и ныне считают государственную собственность на средства производства общенародной собственностью, а основной путь перехода к полному коммунизму видят в развитии государственности и централизации. Так, считает, например, и один из идеологов РКП Б.А. Пугачев. В размещенной в Интернете статье “Социализм” Пугачев пишет: “Преувеличение роли бюрократии в разрушении социализма, характерное для многих в годы после перестройки, оживило анархо-синдикалистские тенденции в левом движении. В свое время Маркс по этому поводу боролся с Бакуниным, а Ленину пришлось спорить с “рабочей оппозицией”. Как и водится у сталинцев, в приведенной выдержке из статьи Пугачева марксистская позиция искажена. Маркс, как известно, боролся с Бакуниным не по поводу кооперативного анархо-синдикализма, а против отрицания им государственности вообще после взятия власти пролетариатом. Марксизм же исходит из того, что государственность в первой фазе коммунизма является вынужденной необходимостью для защиты коренных классовых интересов пролетариата. Но при этом государственность должна быть не буржуазной, а коммунальной, которая на первых порах и была бы связующим звеном кооперативной формы хозяйствования. Коммунальное государство следило бы за тем, чтобы кооперативы не ставили свои интересы выше интересов общества. Далее Б.А. Пугачев совершенно неосновательно называет советское государство государством рабочих. Таковым советское государство никогда не было. С самого начала оно было больше крестьянским, чем рабочим, а значит буржуазным и по содержанию и по форме, но никак не коммунальным.

Искажен смысл предсмертного письма Ленина “О кооперации”, где у него речь идет о кооперации в широком смысле, а не только относительно кооперирования единоличного крестьянства.

В своей статье Б. А. считает лишь афоризмом положение Маркса о том, что “разделение труда и частная собственность – это одно и то же” “Этот афоризм,- пишет он, - порой воспринимается без существенной поправки, сделанной Марксом - речь идет о старом, сложившемся стихийно разделении труда. Относить его к социалистическому обществу механически – неправильно. Разумное разделение труда, его организация при социализме не порождает обмена и возникновения частной собственности. В “Критике политической

экономии” 1858 г. Маркс разъяснял, что если бы производители **“работали как коллективные собственники, то имел бы место не обмен, а коллективное потребление. Поэтому издержки обмена отпали бы. Отпало бы не разделение труда [вообще], а разделение труда, основанное на обмене”**. Следовательно, Б.А. Пугачев не видит разницы между естественным разделением труда и разделением труда общественным. Он не придает значение тому, что в марксизме речь идет о преодолении в переходный период не естественного разделения труда, которое невозможно преодолеть, а о преодолении общественного разделения труда, опосредствованного обменом. Советский строй не был социалистическим не потому, что существовали общественное разделение труда и обмен, а потому, что общественное разделение труда и обмен и не могли быть преодолены в силу низкого уровня развития советских производительных сил, от которых и зависит возможность их преодоления. Вместе с тем невозможно было преодолеть товарный обмен еще и из-за окружения СССР мировым рынком, с которым приходилось обмениваться товарами. Поэтому советская система представляла собой разновидность социально-ориентированного государственного капитализма, развивавшегося в рамках буржуазной формации, где на фоне коммунистической идеологии происходило развитие капитализма.

Теперь о том, как классики представляли себе распределение при социализме, т.е. в первой фазе коммунизма, в период диктатуры пролетариата. По этому вопросу в марксистской литературе также имеются самые различные, порой диаметрально противоположные суждения. Очень близкая нам по взглядам МРП например, занимает ту позицию, что в обеих фазах коммунизма обмена не должно быть. При социализме должно осуществляться прямое распределение по труду. Другие марксисты считают, что распределение через обмен характерно не только для первой фазы коммунизма, что он останется и при полном коммунизме. Только обмен будет производиться не товарами, а продуктами, без ориентации на стоимость, то есть будет осуществляться продуктообмен. Третьи отстаивают позицию, что на высшей фазе коммунизма обмениваться будут не продукты, а потребительные стоимости. Маркс же в “Критике политической экономии” 1858 г. полагал, что: **“Коллективный характер производства с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим. Обмен, имеющий место первоначально в производстве, — это был бы не обмен меновых стоимостей, а обмен деятельностью, которые определялись бы коллективными потребностями, коллективными целями, — с самого начала включал бы участие отдельного лица в коллективном мире продуктов”**. Отсюда следует что, согласно марксистской теории на высшей фазе коммунизма будет осуществляться не обмен стоимостями или продуктами, а обмен деятельностью в условиях действия закона перемены общественного труда.

Вывод о необходимости ликвидации стоимостного обмена сразу при переходе к первой фазе коммунизма МРП основан на исследовании текстов работ классиков и В. И. Ленина. По их мнению, ленинская концепция состояла в следующем:

“(1) Коммунизм состоит из двух фаз – высшей и низшей.

(2) ОБЕ фазы характеризуются ОТСУТСТВИЕМ обмена! ОБЕ фазы характеризуются РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ предметов потребления! ...Поскольку же на низшей фазе коммунизма “неравенство распределения ещё сильно”, то и полу государство ещё не вполне исчезает, но, тем не менее, неуклонно отмирает...

Вслед за первой фазой коммунизма наступает его *высшая* фаза – осуществляется тоже распределение предметов потребления, но на основе принципа “каждый по способностям, каждому по потребностям”. Однако для такого однозначного вывода ленинской позиции нет оснований, так как Ленин в “Государстве и революции” писал: “В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не может* еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение “узкого горизонта буржуазного права” - при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство – без буржуазии!” (см. Ленин В.И. ПСС. Т. 33. СС 98-99).

Но и для вывода о распределении без обмена на обеих фазах коммунизма, для введения военного коммунизма сразу после взятия власти большевиками, для немедленной отмены товарно-денежного обмена у Владимира Ильича было теоретическое основание. И таким теоретическим основанием послужил, видимо, принцип, сформулированный Марксом в “Критике Готской программы”. Он гласит: **“ В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда”**. Это официальный советский перевод. В переводе с немецкого на русский язык, осуществленном в МРП этот текст звучит иначе: **“В кооперативистском обществе, основанном на том, что средства производства являются общим достоянием, производители не обменивают своих продуктов; так же и труд, затраченный на производство продуктов, не проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальные работы уже не окольным путем, а непосредственно существуют как составные части совокупного труда”**...

На основе такого перевода аналитики из МРП также делают вывод о том, что в первой фазе коммунизма уже не должно быть никакого обмена.

В переводе же с английского языка, который был сделан экономистом, известным на интернетовской рассылке “Импульс” под ником М. Богданов, это положение приобретает противоположный смысл. Вот этот перевод: “Внутри товариществ (co-operative), основанных на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов” ... Основываясь на таком переводе, Богданов доказывает, что по Марксу в коммунистическом обществе будет осуществляться обмен потребительными стоимостями, но только не внутри товариществ.

Поскольку неофициальные переводы так сильно разнятся, постольку мы все же будем доверять в основном официальным советским переводам. В противном случае тогда можно поставить под сомнение правильность перевода на русский язык всех произведений классиков, в которых выражена классическая марксистская теория коммунизма, а, значит, и всю марксистскую теорию.

Итак, согласно официальному переводу: **“ В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов”**...

Возникает вопрос, относится ли это положение к первой фазе коммунизма, или оно касается только высшей его фазы? Не является ли оно общим принципиальным положением, определяющим стратегию развития распределения продуктов от первой к высшей фазе коммунизма, где оно полностью реализуется? Такой вывод напрашивается потому, что перейти из капиталистического господства товарного производства и обмена, основанного на капиталистическом разделении труда, сразу к прямому, без обмена, распределению без преодоления капиталистического разделения труда представляется невозможным. Об этом говорит и приведенный выше перечень экономических мероприятий переходного периода, содержащийся в “Манифесте коммунистической партии”. В этот перечень классики включили централизацию кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией, и другие мероприятия госкапиталистического характера.

Обосновывая свою позицию о прямом (без обмена) распределении при переходе к высшей фазе коммунизма, аналитики из МРП, ссылаются в том числе на черновые наброски “Критики политической экономии” 1858 г., где Маркс на примере племен инков, и некоторых других древних общин указал на возможность производства в условиях разделения труда и без обмена. Об этом же пишет Энгельс и в “Анти-Дюринге” в разделе “Распределение”, а также в “Происхождении семьи, частной собственности и государства”. Но, ведь, у классиков в этих произведениях речь идет о древних общинах, до появления собственности и обмена! Никто иной, как Энгельс в своих исследованиях пришел к выводу, что в эпоху родоплеменных

отношений вначале возникло естественное разделение труда. Производство тогда осуществлялось без какого-либо обмена. Но именно естественное разделение труда, отделение пастушеских племен от остальной массы варваров и привело к появлению собственности, излишков, а затем к возникновению и развитию обмена. При капитализме товарное производство и обмен стали господствующим способом производства жизни. Немедленная их ликвидация при переходе от капитализма к первой фазе коммунизма без преодоления разделения труда, когда еще имеют место раздельное промышленное и сельскохозяйственное производство, закономерно привело бы вначале к остановке производства, а затем к возрождению обмена. Следовательно, в начальный период социализма обмен еще не может быть ликвидирован. Но это лишь в начальный период. Затем, по мере того, как производство предметов потребления достигнет определенного уровня, распределение, опосредствованное обменом, перерастает в прямое распределение. Поэтому элементы государственного капитализма в начале первой фазы коммунизма представляются вполне допустимыми с точки зрения марксистской теории. Такой вывод вытекает, кроме того, из последующего разъяснения, которое делает Маркс в "Критике Готской программы". Вот это разъяснение: **"Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое едва только *выходит* из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из лона которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает - после всех вычетов - обратно ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он ему дал, составляет его индивидуальное количество труда...**

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Поэтому *равное право* здесь по принципу все еще является *правом буржуазным*, хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь *в среднем*, а не в каждом отдельном случае.

Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* - трудом.

Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное право* есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право.* По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной определенной стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают только как рабочих и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть неравным.

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества”.

Ленин в “Государстве и революции” в разделе: “Первая фаза коммунистического общества” подробно анализируя приведенное положение Маркса, делает вывод, о неизбежности в первой фазе коммунизма существования элементов государственного капитализма. Эту мысль Ленин выразил следующим образом: “ Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества (“социализм” в обычном словоупотреблении) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства “буржуазного права”, которое *продолжает господствовать*, поскольку продукты делятся по работе”...

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) “буржуазное право отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.е. лишь по отношению к средствам производства” (см. ПСС. Т.33. С. 94).

Но что касается распределения индивидуальных предметов потребления между отдельными производителями, то здесь, - разъясняет Маркс, - **“господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.**

Следовательно, вначале первой фазы коммунизма предметы индивидуального потребления распределяются еще не прямо, а по принципу обмена товарными эквивалентами.

Итак, классики обоснованно считали, что переходной формой к общему владению, т.е. к полному коммунизму, является собственность государства коммунального типа и, прежде всего, на средства производства. Однако даже полная собственность на средства производства государства такого типа не устраняет все свойства капитализма немедленно. Она создает только базу для полного коммунистического производства. В этой связи нельзя не согласиться с выводом некоторых исследователей марксизма в том, что общественно-экономические формации никогда не появляются в чистой форме. В любом обществе “элементы ранних общественных формаций и отношений могут сосуществовать с большим или меньшим напряжением со старыми формами”. (См. Тэд Грант Марксистская теория государства. (Чуть больше о государственном капитализме) Экономика переходного периода (см. www.1917.com/Marxism/Grant/aii.html).

В этом плане еще до октября 1917 г. внутри партии большевиков наметились противоположные точки зрения и, в частности между Лениным и его сторонниками, с одной стороны, Бухариным и его сторонниками – с другой, относительно места госкапитализма в экономике переходного периода. В этой связи несомненный интерес представляет работа С. В. Цуканова “Формирование взглядов Бухарина на экономику переходного периода (см. <http://www.marksizm.info/content/view/3772/33>).

“Самая длительная и серьезная теоретическая дискуссия между В.И.Лениным и Н.И.Бухариным - о месте госкапитализма в экономике переходного периода, - пишет С.В. Цуканов, - своими корнями уходила в их дореволюционные исследования проблем империализма, сочетаясь с различиями в оценках степени экономической зрелости хозяйства России...”

Социализм или госкапитализм - такова была историческая альтернатива в то время для “левых коммунистов”. Позиция В.И. Ленина (социализм через госкапитализм) учитывала не только общие марксистские положения, но и особенности экономической ситуации в России, слабое развитие капитализма.

Государственный капитализм рассматривался В. И. Лениным в связи с этим как необходимый, требующий значительного периода времени переход от отсталой экономики к социализму.

Против ленинской идеи резко выступил Н. И. Бухарин. В работах “Азбука коммунизма” (1919 г.) и “Экономика переходного периода” (1920 г.) он ратовал за жесткие меры военного коммунизма, за полное государственное регулирование распределения.

Он доказывал абсолютную неприменимость государственного капитализма в условиях Советской России. "Государственный капитализм при пролетарской диктатуре - это бессмыслица, сапоги всмятку. Ибо государственный капитализм предполагает диктатуру финансового капитала, это есть передача производства диктаторски организованному империалистическому государству. Точно таким же вздором является государственный капитализм без капиталистов.

„Некапиталистический капитализм" - ведь это верх путаницы, до которой можно дойти"...

Под воздействием аргументов В. И. Ленина Н. И. Бухарин занял все же не столь непримиримую позицию, как, например, Н.Осинский, А. Смирнов и К.Радек"...

(См. Цакунов С.В. Формирование взглядов Бухарина на экономику переходного периода – <http://www.marksizm.info/content/view/3772/33/>).

С началом НЭП Бухарин совершает поворот на 180 градусов. В 1923 году в "Правде" он утверждал, что СССР обречен "многие десятки лет медленно вращаться в социализм", "социализм бедняков – паршивый социализм", а в 1925 г. знаменитое: "Всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство".

Следует, однако, иметь в виду, что Маркс неоднократно предупреждал, что сущность социализма заключена не в распределении, что распределение нельзя отрывать от способа производства. Он подверг критике составителей Готской программы за то, что они связывали социализм преимущественно с распределением, отрывая его от способа производства.

Итак, согласно марксистской теории социализм представляет собой переходный период от находящегося на нисходящей линии своего развития капитализма к полному коммунизму. Этот период, именуемый в марксизме первой фазой коммунизма, характеризуется коллективистскими началами с распределением по труду, где все источники существования общества вначале находятся в собственности пролетарского коммунального государства и еще присутствуют элементы государственного капитализма. В условиях осуществления государственной политики диктатуры коренных классовых интересов пролетариата коммунальное государство, планомерно развивая производительные силы посредством использования, в том числе, кооперации с целью ликвидации наемного труда и соединения промышленного и сельскохозяйственного труда, решает выше перечисленные стратегические задачи перехода к высшей фазе коммунизма.

Поэтому следующее наше занятие будет посвящено марксистским представлениям о высшей фазе коммунистического общества.

* * *